К вопросу о приоритетности межкультурного диалога в формировании современного социокультурного пространства СНГ

М.В. Шалаева

В настоящей статье предлагается теоретический абрис концепции межкультурного диалога в ее приложении на пространство СНГ. Автор обосновывает приоритетность межкультурного диалога в обеспечении динамики гуманитарного сотрудничества внутри Содружества на новом концептуальном уровне.

Смена парадигмы научного знания, «глокализация», крайне ошутимая трансформация культуры и ее универсалий, радикальный плюрализм и полицентризм беспрецедентным образом влияют на современную социокультурную среду. Требуется осознание и принятие того факта, что современный мир – это тотальная множественность, классовая, расовая, этническая, культурная и цивилизационная. Плюралистический постмодернистский дискурс придает риторике мультикультурального сосуществования особое звучание, в духе времени встретившее отклик и в рамках социокультурного пространства СНГ.

В фокусе исследования – диалог культур, а также разнообразные теоретические концепции, выявляющие в нем инвариантное содержание, продуктивное для осмысления его форм в контексте Содружества. Вместе с тем предпринимается попытка представить межкультурный диалог как инновационный фактор гуманитарного взаимодействия в современном социокультурном пространстве СНГ. Новаторство межкультурного диалога обеспечивает «надэтнический»

характер его стремления способствовать социальной конвергенции современной диверсифицированной культурной среды. Принимая за основу новое понимание феномена культуры, межкультурный диалог прямо способствует привнесению свежих идей и решений, влияющих на развитие гуманитарного взаимодействия как в глобальном, так и в локальном, отдельно взятом, социокультурном пространстве. Этим допущением и продиктована логика предлагаемой статьи.

Кумулятивный характер социокультурных взаимодействий XXI в. выявляет необходимость концептуализации понятия «культура» в целях создания иного, более глубокого интегрального подхода к его пониманию. Динамика глобальных трансформаций, в широком смысле определяющая эпоху постмодерна, выявляет новый тип детерминации человеческого сознания, новые механизмы ценностно-смысловой регуляции. На уровне философских категорий можно говорить о формировании новой парадигмы научного знания, характеризующейся особым восприятием культуры.

Шалаева Мария Владимировна – аспирантка кафедры мировой культуры Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета.
E-mail: mshalaeva@inbox.ru

По мнению В.С. Библера, в XX в. культура «сдвигается в эпицентр всех человеческих деяний, или – иначе формулируя – все наше бытие (быт – мысль – сознание – социальность – духовность) сдвигается в средоточие культуры» и понимается «как произведение культуры»¹. А философская логика из логики «наукоучения» превращается в логику обоснования культуры как всеобщего феномена, который неизбежно формирует свой особый «социум культуры»².

Идеи основателя философской логики культуры находят довольно широкий резонанс в трудах исследователей из абсолютно разных областей социально-гуманитарного знания, что является вполне естественным в контексте всеобъемлющего интегративного характера современности:

– по мнению Э. Геллнера, в индустриальном обществе культура становится необходимой общей средой, источником жизненной силы, минимальной общей атмосферой, только внутри которой члены общества могут дышать, говорить и творить³;

– М. Кастельс, представляя в свою очередь точку зрения наиболее крупной социологической школы современности, также приходит к заключению об онтологической всеобщности феномена культуры. Он называет XXI в. временем, когда культура уже «настолько подчинила себе природу, что ее приходится искусственно восстанавливать в качестве одной из культурных форм»⁴;

– американский социолог Ричард Флорида, воспринимая мир с позиции своей концепции «креативного класса», также постулирует идею о том, что центр тяжести сместился с экономики и технологии на культуру. «Глубокие и устойчивые преобразования нашей эпохи коренятся не в технологии, а в обществе и культуре»⁵. Все это является своего рода свидетельством создания чисто культурной структуры социальных взаимодействий, где культура является некой «пирамидальной линзой»⁶ детерминации человеческого сознания и поведения, позволяя ему быть полностью ответственным за свою судьбу и поступки.

Таким образом, можно утверждать наличие культуроцентристского принципа, занимающего преобладающее положение в современных социально-гуманитарных науках. Принятие данного принципа повлекло за собой не только привлечение методов (герменевтических, семиотических и др.), находивших ранее лишь специальное применение. Налицо формирование нового терминологического арсенала, в который прочно вошли такие понятия, как «межкультурный диалог», «межкультурная коммуникация», «культурный плюрализм», «мультикультурализм», «полиэтничность», «поликультурность», «полицентризм». И если модерн повсеместно характеризовался гомогенизирующими европоцентристскими интенциями⁷, то эпоха постмодерна подвергает тезис о вестернизации глубокой рефлексии. Многие авторы, занимающиеся исследованиями глобальной социокультурной сферы в течение последних трех десятилетий, постулируют тот факт, что неверно

рассматривать эту сферу сквозь призму унификации, то есть как результат культурной экспансии Запада на Восток⁸.

В настоящее время просматривается интенсивное влияние также и в обратном направлении. Речь идет о том, что эпоха постмодерна ориентируется на культурный полицентризм во всех его проявлениях. В глобальной культурной сфере имеет место не один, а множество водоразделов, которые проходят по множеству линий⁹. Тем самым можно утверждать, что в разработке проблем и анализе феномена межкультурного взаимодействия преобладают плюралистические тенденции, заключающиеся в признании многообразия культурно-исторических систем и диалогических принципов их взаимодействия. И только при условии осознания внутренней неоднородности, «куматоидности»¹⁰ и многомерности современного социокультурного пространства межкультурный диалог может быть продуктивным как средство достижения взаимопонимания.

Применительно к исследуемому региону можно говорить, что проблема межкультурного взаимодействия приобрела особую актуальность в связи с политическими событиями 1991 г. СНГ было создано на историко-культурных связях между народами Содружества, в сочетании с устремлением к демократии формирующими социокультурное пространство¹¹. Стоит отметить, что появление на мировой арене региональной организации подобного рода вполне отвечало качественным изменениям социальных систем постиндустриальной эпохи. Они, в частности, привели к образованию глобального «общества сетевых структур»¹², располагающего единым информационным пространством.

Разумеется, глобализационные тенденции не могли не повлиять на характер и глубину социокультурных процессов, происходящих в новообразовавшихся государствах бывшего Советского Союза. Требуется новый тип культурной общности, который не сводился бы к ранее разделявшим культуру национальным границам. Глобализация задает такие условия, в которых только та культура способна занять доминирующее положение, которая включает в себе нечто важное и ценное для всех людей. Новый тип культурной общности объединяет людей по признаку не их национального происхождения, а в соответствии с общностью их культурных предпочтений, то есть на основе свободного выбора ими своей культурной идентичности. Так, в связи с активизацией в бывших советских республиках поиска самоидентификации¹³, обсуждение проблемы межкультурного взаимодействия характеризуется заметным оживлением.

В условиях восприятия феномена взаимодействия культур как необходимой социокультурной реальности, способствующей сохранению культурного многообразия, насущным становится вопрос касательно формы и специфики упомянутого взаимодействия. Здесь стоит особо отметить, что, исходя из имеющегося уровня общности, осо-

бенностью СНГ как организации сетевого, интеграционного характера является значительное опережение социально-гуманитарного измерения. Это можно объяснить тем, что при распаде единого государства процесс дезинтеграции языкового, культурного и образовательного пространства проходит намного медленнее других сфер соприкосновения. Выходит, что сегодня, в период осознанно расширяющейся интеграции народов стран-участниц Содружества, главной опорой консолидированного образовательного пространства становится гуманитарное знание. В гуманитарном пространстве, как очевидно, удастся выстроить наиболее успешную модель взаимодействия¹⁴.

Учитывая международный опыт гармонизации общественных отношений, стоит обратить особое внимание на то, что признание культурного плюрализма и необходимость содействия ему вызвали к жизни и социокультурной практике концепцию мультикультурализма в качестве особой политики бесконфликтного сосуществования в одном жизненном пространстве множества разнородных культурных групп. Нужно отметить, что хотя концепция мультикультурализма основывалась на благих побуждениях, мультикультуралистский дискурс постепенно приобрел отчетливо негативные коннотации. По мнению теоретиков культуры, основным подводным камнем данной концепции является постулируемое тождество между этничностью и культурой. Это в некоторой степени справедливо для традиционных обществ, но совершенно неприменимо к современным постиндустриальным обществам.

Таким образом, осмысливая социально-групповые различия в расовых и этнических терминах, идеология мультикультурализма способствует этнизации общественного дискурса, чреватой усилением расиализации, дискриминации и без того наличествующей геттоизации меньшинств¹⁵. Мультикультурализм перетолковывает противоречия социальных, экономических, политических, региональных интересов в противоречия этнического, конфессионального происхождения. По мнению современного немецкого социолога Ф.О. Радтке, способствуя этнизации социальных конфликтов, мультикультуралистская идеология делает их неразрешимыми¹⁶.

В свете вышесказанного неудивительно, что проект мультикультурализма, реализованный в ряде западных стран, ассоциируется сейчас с этнически и конфессионально мотивированным изоляционизмом. Но если от концепции, потерявшей кредит доверия, можно отказаться, то прекратить мероприятия по организации «общезития» в условиях насущной культурной плюральности никак нельзя. Стала очевидной необходимость поиска новых вариантов и направлений дальнейшего развития многоликого социокультурного пространства современности.

Так, представляется целесообразным попытаться осмыслить концепцию межкультурного диалога как наиболее приемлемого на данный мо-

мент регулятора процессов, формирующих современные транснациональные сетевые структуры. Дело в том, что межкультурный диалог представляет собой еще один шаг на пути к созданию новой социальной и культурной модели, которая наиболее соответствует духу современности. В отличие от концепций ассимиляторства и мультикультурализма, межкультурный диалог рассматривает культурно плюралистическое общество как то, в котором нет господствующей культуры. Принимая многообразие за основу своей жизнеспособности, межкультурный диалог направлен на достижение взаимодействия автономных идентичностей, обеспечивая отсутствие изоляции между ними. Причем термин «взаимодействие» предполагает как взаимное проникновение, так и взаимную трансформацию. За счет принципов толерантности, равноправия, открытости и конструктивности межкультурный диалог представляет не только основу для применения ценностей культурного многообразия в повседневной жизни, но и выступает средством для использования в рамках окружающих сообществ тех возможностей, которые обусловлены наличием широкого разнообразия культур. Развивая многочисленные трансграничные межкультурные связи, диалог способен стимулировать инновации и взаимное обогащение идеями, тем самым обеспечивая поддержку общего гуманитарного сотрудничества на новом концептуальном уровне.

Концепция межкультурного диалога представляет новый уровень межкультурного взаимодействия, так как направлена на формирование общего коммуникационного пространства, которое по своей природе «надэтнично»¹⁷. Это значит, что для осуществления диалога культур важны не межэтнические отношения среди этнолингвистических и этноконфессиональных групп, а ценностно-смысловые ориентиры. Межкультурный диалог обязательным образом аккумулирует пространство межкультурного и межконфессионального дискурса. Он невозможен без принятия общечеловеческих ценностей и принципов, положенных в основу общекультурных духовных ценностей в качестве моральных ориентиров. То есть межкультурный диалог «требует наличие общего ядра, не оставляющего места моральному релятивизму»¹⁸ – и в этом усматривается, пожалуй, наиболее значимое его конструктивное отличие от концепции мультикультурализма.

Таков теоретический абрис проблемы, остро стоящей в рамках постиндустриальной эпохи современности. Резюмируя, следует сказать, что само понятие «межкультурный диалог» является некоторой лингвистической формулой, способной вместить весьма разнообразное содержание: от сугубо теоретического, интересного и понятного только узким специалистам до насущно практического, необходимого в быту. Применительно к пространству СНГ, в рамках которого существование национально-культурных, цивилизационных общностей исторически отличалось диалогической природой

■ Свежий взгляд

своих отношений, концепция межкультурного диалога способна предложить модель динамики гуманитарного сотрудничества, которая будет развивать его в столь же естественном, органичном ключе. Тем самым можно утверждать, что диалог культур является системообразующим фактором многовекторного сотрудничества, способного оформить новую матрицу социокультурных отношений как внутри Содружества, так и за его пределами.

Shalaeva M. V. Towards the Priority Ranking of Intercultural Dialogue as Forming Contemporary Sociocultural Environments of the CIS.

Summary: *The article addresses theoretic contour of the concept of intercultural dialogue with its application to the environment of the CIS. The author substantiates the priority ranking of intercultural dialogue as providing a new conceptual level in contributing to the dynamics of humanitarian interaction within the borders of the Commonwealth.*

Ключевые слова

Межкультурный диалог, диалог цивилизаций, мультикультурализм, культурная диверсификация, сетевое пространство, СНГ.

Keywords

Intercultural dialogue, dialogue of civilizations, multiculturalism, cultural diversification, network environment, CIS.

Примечания

1. Библер В.С. На гранях логики культуры // Книга избранных очерков / Ред. В.С. Библер. М.: Русское феноменологическое общество, 1997. С. 167.
2. Там же. С. 166.
3. Геллнер Э. Нации и национализм [Электронный ресурс]. М.: Прорпесс, 1991. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/gelln/index.php
4. Castells, M. The rise of the network society // The information age: economy, society, culture. Vol. 1. / Wiley-Blackwell (Second ed.), 2009. P. 36 – 42.
5. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Пер. с англ. А. Константинов. М.: Классика-XXI, 2005. С. 12.
6. Библер В. С. Указ. раб. С. 163.
7. Said E.W. Culture & Imperialism. New York: Vintage Books, 1993. P.XXV.
8. Валлерстайн И. Национальное и универсальное: возможна ли всемирная культура? // Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. СПб.: Университетская кн., 2001. С. 131–149.
9. Библер В.С. Указ. раб. С. 168.
10. Колесников А.С. Философская компаративистика Восток-Запад: учебное пособие. СПб: Из-во Санкт-Петербургского Университета, 2004. С. 261.
11. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств, 1991. 8 декабря [Электронный ресурс] // Основопологающие документы СНГ. URL: <http://e-cis.info/page.php?id=176>
12. Castells, M. The rise of the network society // The information age: economy, society, culture. Vol. 1. P. 40.
13. Джангужин Р.Н. Новые независимые государства Центральной Азии в поиске новой идентичности [Электронный ресурс] // Интернет-издание DIALOG, 2011. URL: <http://www.dialog.kz/?lan=ru&id=94&pub=2395>
14. Федулова Н.Г. Влияние России в странах СНГ: гуманитарные аспекты // Мировая экономика и международные отношения / Ред. Н. Г. Федулова. 2007. № 5. С.79–86.
15. Малахов В.С., Тишков В.А. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. – С. 48–60.
16. Radtke F.-O. Nationale Multikulturalismen. Bezugsprobleme und Effekte. // No integration?! Kulturwissenschaftliche Beitrage zur Integrationsdebatte in Europa / Hrsg. von S. Hess, J. Binder, J. Moser [Electronic resource] Bielefeld, 2009. - S. 37–51. - URL: http://books.google.ru/books?id=e08mFc5ElqWC&pg=PA24&lpg=PA24&dq=multikulturelle+gesellschaft:+modell+america+radtke&source=bl&ots=VFT3bC8PIA&sig=rZ07BTWQb8q685g_mkV2kuPwVPg&hl=ru&ei=YOWVTrT2GaeE4gS-qeSdCA&sa=X&oi=book_result&ct=resu&resnum=8&ved=0CEcQ6AEwBw#v=onepage&q=multikulturelle%20gesellschaft%3A%20modell%20america%20radtke&f=false
17. Малахов В.С., Тишков В.А. Указ. раб. С. 48.
18. «Белая книга» Совета Европы по межкультурному диалогу [Электронный ресурс] / Страсбург 67075 CEDEX. Совет Европы, 2009. С. 3. URL: http://www.coe.int/t/dg4/intercultural/Source/Pub_White_Paper/WhitePaper_ID_RussianVersion.pdf